

Довольный тем, как удачно прошла первая сделка, Цзян Чэнъи с полным удовлетворением устроился на кушетке, почти обнимая свои десять с лишним тысяч очков заслуг.

Как управляющий «Супермаркета заслуг», он получал тридцать процентов от каждой сделки — это была его зарплата, а заодно особая льгота, которую супермаркет приготовил для защиты каждого управляющего.

Теперь, когда на нём было столько заслуг, он отчётливо чувствовал: тело в целом стало крепче. Правда, внешне это никак не проявлялось.

— Неудивительно, что отец, этот древний генерал, всё равно не мог победить папу. Вот, оказывается, в чём причина.

Он закрыл глаза и тихо пробормотал это себе под нос. В голове одна за другой всплывали картины тех дней, когда двое самых близких людей ещё были в этом мире.

Думая о них, он улыбался всё мягче.

Но именно в такие моменты всегда находятся люди, которые портят настроение.

— Цзян Чэнъи.

Услышав этот голос, Цзян Чэнъи без выражения открыл глаза и холодно посмотрел на семейку Лу из трёх человек, явившуюся к нему во второй раз.

Возможно, потому что маски уже были сорваны, на этот раз у отца и матери Лу не осталось прежних фальшиво-ласковых улыбок. Они даже притворяться не потрудились.

— Что ты решил насчёт пятидесяти миллионов, о которых мы говорили в прошлый раз?

Молодой человек, лежавший на кушетке, неторопливо зевнул, а потом повернулся к ним спиной.

Такая холодность заставила отца Лу почувствовать себя униженным. Он столько лет привык смотреть на других свысока — как ему было вынести подобное отношение? В груди тут же вспыхнула злость.

— Я с тобой разговариваю! Ты оглох, что ли?

Цзян Чэнъи просто считал их слишком шумными. Жаль, что сейчас под рукой не было ни наушников, ни берушей, иначе он надел бы их и спал дальше.

Увидев, что тот по-прежнему никак не реагирует, отец Лу распалялся всё сильнее. Сам не зная почему, он при виде такого Цзян Чэнъи просто приходил в бешенство.

— Выйди ко мне!

Он заорал в окно. Жаль только, что кушетка стояла на некотором расстоянии от окна, и рукой до Цзян Чэнъи было не дотянуться.

Пока он думал, не перелезть ли внутрь через окно, Лу Цзинъань, стоявший позади них, подошёл к серой двери и протянул руку, пытаясь её открыть.

Но, возможно, сил у него было слишком мало: дверь даже не шелохнулась.

Увидев это, отец Лу тут же отказался от мысли лезть через окно и в ярости пнул дверь.

Раздался глухой удар. Двери ничего не сделалось, зато отец Лу, морщась от боли, схватился за голень и повалился на землю.

Дверь выглядела деревянной, но, когда он ударил по ней ногой, ощущение было такое, будто он пнул металл. Отдача почти отбросила его назад.

— Папа, что с тобой?!

— Дорогой!

Лу Цзинъань и мать Лу присели рядом с отцом Лу и тревожно посмотрели на него.

Отец Лу сейчас так скалился от боли, что от прежней выдержки не осталось и следа. Лицо у него перекошило.

А Цзян Чэнъи уже в тот миг, когда он поднял ногу, стоял у окна. Его глаза были мрачными, словно в них собиралась буря.

— Попытка самовольно войти в «Супермаркет заслуг». Штраф — пятьсот очков заслуг!

В этот момент его голос звучал с холодным металлическим оттенком. Чёрная ширма из восьми створок с золотыми письменами вспыхнула тёмным светом.

Цзян Чэнъи слегка согнул палец, направляя этот тёмный свет на отца Лу. Серый туман, клубившийся вокруг того, сразу стал куда гуще. А когда отец Лу поднялся, между его бровями тоже появилась слабая чёрная дымка.

Если бы какой-нибудь мастер, разбирающийся в физиогномике, увидел сейчас отца Лу, он наверняка тут же выпалил бы что-нибудь вроде: «Господин, у вас межбровье почернело»¹.

К сожалению, все трое ничего этого не видели. Слова Цзян Чэнъи они тоже не услышали. Только отец Лу смутно почувствовал, будто его пробрал холодок, но не придал этому значения.

— Больно до смерти!

Отец Лу при поддержке двоих медленно поднялся.

Обернувшись, он увидел глаза Цзян Чэнъи, в которых не было ни капли чувства.

И вдруг пожалел. Такому сыну — оставлять пятьдесят миллионов? Зачем!

— Изначально я хотел дать тебе пятьдесят миллионов. Деньги уже подготовлены, всё лежит на этой карте без имени владельца. согласишься на брачный союз — и можешь распоряжаться ими как угодно.

Он холодно усмехнулся и высоко задрал подбородок. Даже после того, как только что выглядел жалко, теперь всё равно пытался держаться выше остальных.

— Но теперь я передумал. Раз денег не будет, продолжай сторожить этот ветхий маленький супермаркет и потихоньку проживи свои жалкие, бедные десятилетия!

Он не верил, что без денег этот человек сможет и дальше улыбаться как ни в чём не бывало!

Мать Лу всё это время молчала. Решению мужа она не возразила.

А что до Лу Цзинъаня... Цзян Чэнъи видел его показную тревогу и спрятанную в глубине глаз торжествующую улыбку.

Но как бы радостно ни было у него на душе, сейчас он всё же был вынужден открыть рот и попытаться отговорить отца Лу:

— Папа, старший брат ведь твой родной сын...

Не успел он договорить, как отец Лу перебил его:

— У меня нет такого непочтительного сына! К тому же разве ты мне не сын? Чем давать ему пятьдесят миллионов, лучше оставить их тебе!

Он свирепо смотрел на Цзян Чэнъи, пытаясь увидеть в глазах молодого человека хоть тень сожаления.

Но, к сожалению, тот не только ничуть не жалел, а ещё и решительно кивнул:

— У меня тоже нет таких родственников, как вы. Больше не увидимся.

Сказав это, он мгновенно закрыл окно, явно опасаясь, что кто-нибудь из них полезет внутрь через него.

— Ух!

В голове у отца Лу загудело, и он едва не рухнул от злости.

Он шумно, тяжело дышал. В душе он решил больше никогда не заниматься этим сыном, после чего в ярости развернулся и ушёл.

Мать Лу поддерживала его и ушла вместе с ним. Перед уходом она даже взглядом не удостоила Цзян Чэнъи.

Лу Цзинъань перед тем, как сесть в машину, обернулся и посмотрел на этот маленький супермаркет. Невинность сошла с его лица, оставив только торжество и насмешку.

Родной сын — и что? Разве он всё равно не уступил ему, приёмному?

К тому же Лу Цзинъань считал, что у Цзян Чэнъи с головой что-то не так: предпочесть сторожить какой-то убогий супермаркет и отказаться от пятидесяти миллионов.

Просто псих!

Но тогда ему самому придётся искать способ решить вопрос с тем брачным союзом...

Однако они даже не подозревали: как только машина отъехала, Цзян Чэнъи, вернувшийся на кушетку, вдруг щёлкнул пальцами.

— А-а-а-а!

В следующую секунду два передних колеса машины с глухим хлопком лопнули, а людей внутри резко бросило вперёд.

Услышав эти крики, Цзян Чэнъи холодно усмехнулся:

— Вот уж сборище психов!

С чего-то вдруг явились к нему изображать родителей, с чего-то вдруг требуют, чтобы он вступил в брачный союз, с чего-то вдруг ещё и злятся... если это не психи, то кто тогда?

Не подкинет он им немного неприятностей — они и правда решат, что он мягкая хурма²!

Тот тёмный свет мог на время принести человеку неудачи. Этого было вполне достаточно, чтобы у этой семейки не осталось сил снова приходить и донимать его.

Люди из семьи Лу, которым Цзян Чэнъи подпортил удачу, обнаружив, что у машины лопнули шины, могли только сами вызвать такси и уехать.

В пути их чуть не протаранил грузовик. Четверо — они трое и водитель — перепугались так, что души едва не вылетели из тела.

Странно было только то, что с водителем всё оказалось в порядке, а остальные трое так или иначе ушиблись и стукнулись.

После того как они пересели в другую машину, дальнейшая дорога тоже не задалась: то внезапно заканчивался бензин, то они намертво вставали в пробку, то сталкивались с агрессивным водителем. Лицо того водителя налилось таким багрово-фиолетовым цветом, что всем троицам казалось: ещё секунда — и он врежется прямо в них!

Наконец добравшись до аэропорта, они услышали объявление: рейс задержан, а до какого времени — неизвестно.

Но к тому моменту уже было семь вечера!

— Может, найдём отель и отдохнём? — предложила мать Лу. Голос у неё был немного слабый.

Их троих, слишком потрёпанных на вид и всё ещё ошеломлённых пережитым испугом, сейчас было совершенно невозможно узнать как людей из семьи Лу провинции Жун.

Отец Лу глубоко вдохнул, с силой надавил пальцами на виски, кое-как привёл в порядок волосы и покачал головой:

— Нет. Подождём здесь.

Теперь оставалось только надеяться, что рейс задержат не слишком надолго. Тогда, вернувшись, они хотя бы смогут нормально выспаться!

— Папа, я пойду сообщу Сяо Чэню, что рейс задержан.

Сяо Чэнь был их семейным водителем. В Хуачэн вместе с ними он не прилетал.

Отец Лу молча кивнул и нашёл место в VIP-зале ожидания.

За дорогу они все сильно перепугались, так что усталость навалилась и на тело, и на разум. Стоило им сесть на мягкие диваны отдохнуть, как они незаметно заснули.

Когда они проснулись, оказалось, что самолёт уже улетел!

— Почему нас не предупредили?!

Отец Лу так взбесился, что у него перехватило грудь. Он схватился за сердце и едва не упал.

Мать Лу и Лу Цзинъань тоже пришли в ярость. Сотрудники напротив всё время извинялись и говорили, что персонал авиакомпании проявил невнимательность и не заметил их троих.

Причина звучала слишком неубедительно, но все сотрудники, отвечавшие сегодня за зал ожидания, говорили одно и то же: они действительно не видели, чтобы эти трое появлялись.

Как бы они теперь ни извинялись, было уже бесполезно. Самолёт улетел. Чтобы вернуться, им оставалось только заново покупать билеты.

К счастью, следующий рейс был всего через два часа. Но когда они добрались до провинции Жун, был уже следующий день после обеда. Водитель Сяо Чэнь прождал их почти целые сутки.

Из-за ожидания Сяо Чэнь не решался толком поспать. Он боролся со всё более тяжёлой сонливостью и повёз хозяев домой.

Но уставшему водителю действительно нельзя садиться за руль. Из-за невнимательности Сяо Чэня на съезде с шоссе машина врезалась прямо в дорожное ограждение. Все четверо дружно отправились в больницу.

В тот миг, когда их привезли в больницу, у Цзян Чэньи раздался звонкий «динь».

Он открыл глаза. Лист А4 медленно опустился ему на лицо.

На листе было две части. Вверху — картинка... точнее, фотография, где троих из семьи Лу как раз доставляют в больницу.

Рядом с ними стоял ещё один мужчина. Он, наоборот, был цел и невредим, только глаза у него были полны ужаса и растерянности.

— Пф, насколько я помню, напущенное невезение не должно было быть таким сильным, — сказал Цзян Чэнъи со смехом.

Голос его прозвучал в супермаркете.

Он говорил не с человеком. Он говорил с супермаркетом.

У этого супермаркета было собственное сознание.

В ответ не последовало ни малейшего движения. Похоже, ему стало стыдно.

Цзян Чэнъи хихикнул и продолжил смотреть дальше. В самом низу фотографии была строка: имя человека и адрес.

Больше никакой информации не было.

Но одной этой строки хватило, чтобы Цзян Чэнъи мгновенно сел на кушетке.

— Так чей-то голос сердца и правда может дойти до тебя...

Всего пару дней назад он про себя ворчал, что такие заявки встречаются слишком редко. Не ожидал, что уже сегодня получит одну.

Он посмотрел адрес и, одновременно проверяя местоположение, бросился на второй этаж собирать вещи.

Если голос сердца смог дойти даже до супермаркета, значит, желание у человека было невероятно сильным. Такая жажда обычно уже почти доводит до одержимости.

А значит, хозяин такого голоса сейчас наверняка находился в не слишком хорошем состоянии.

Цзян Чэнъи вспомнил, как папа когда-то рассказывал ему об одном клиенте. Тот тоже был передан ему супермаркетом. Человек хотел узнать правду.

Ради этой правды клиент был готов пройти по доске с гвоздями и разбить себе голову насмерть прямо в зале суда.

Если бы папа тогда ему не помог, тот человек попытался бы обменять свою жизнь на правду — и ещё неизвестно, удалось бы ему это или нет.

Цзян Чэнъи тоже беспокоился за жизнь клиента. Поэтому, получив заявку, он первым делом купил билет на самый быстрый поезд до нужного места.

Два часа спустя он прибыл в Аньчэн, расположенный в двухстах километрах от Хуачэна.

И в это же время Ло Цюмин с женой у себя дома в Аньчэне ожесточённо с кем-то спорили.

¹ «Межбровье почернело» — отсылка к китайской физиогномике: потемневшая область между бровями считается дурным знаком, предвещающим беду или невезение.

² «Мягкая хурма» — китайская идиома о человеке, которого легко продавить, обидеть или использовать; по смыслу близко к «безропотная жертва» или «мальчик для битья».

<http://bllate.org/book/17657/1718381>